Г. Бараць.

Повѣсти и сказанія древне-русской письменности,

имѣющія отношеніе

къ

ЕВРЕЯМЪ и ЕВРЕЙСТВУ.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина."

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская ул., д. № 14.
1906.

ПРОВ. 1954

РУ
1052
Бар

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1771
34

Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству.

I.

Два разсказа Кіево-Печерскаго Патерика.

Историческимъ государственнымъ актомъ, обновившимъ нынѣ русскую жизнь, всѣмъ обитающимъ въ Россіи народамъ обѣщана, заодно съ другими незыблемыми основами гражданской вольности, дѣйствительная *свобода совѣсти*.

Чтобы живѣе сознавать всё значеніе этого акта, достаточно лишь вспомнить, какъ жестоко и безпощадно святое начало вѣротерпимости и религіозной свободы попиралось въ нашемъ отечествѣ въ прежнія времена, особенно въ отношеніи къ еврейскому народу. Массу вопіющихъ фактовъ насилія надъ религіозными убѣжденіями евреевъ „старыя скрижали хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ".

Къ числу такихъ преданій принадлежатъ и содержащіеся въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ два разсказа, которые я и представлю здѣсь въ надлежащемъ освѣщеніи, устраняя данное имъ изслѣдователями невѣрное, по моему мнѣнію, истолкованіе.

Одинъ изъ этихъ разсказовъ, помѣщенный въ Несторовомъ „Житіи Препод. Ѳеодосія", гласитъ въ переводѣ на современный языкъ такъ:

„Блаженный имѣлъ слѣдующее обыкновеніе: многократно ночью онъ вставалъ и тайно отъ всѣхъ ходилъ къ евреямъ и спорилъ съ ними о Христѣ; укорялъ ихъ и досаждалъ имъ,

называя ихъ отступниками и беззаконниками, поелику желалъ быть убитымъ за исповѣданіе Христа". [1])

Основываясь на этомъ показаніи, покойный проф. Кіевской Духовной Академіи П. И. Малышевскій полагалъ, что частыя ночныя хожденія преп. Ѳеодосія изъ своего монастыря *въ городъ* къ евреямъ совпадали съ какими-то ночными религіозными собраніями у самихъ евреевъ,—что, *вѣроятно*, на этихъ собраніяхъ, бывали не одни евреи, но и русскіе, и что, *вѣроятно*, Ѳеодосій и являлся на религіозныя собранія евреевъ именно съ цѣлью изобличить послѣднихъ въ ихъ замыслахъ противъ христіанства и спасать русскихъ христіанъ отъ іудейскихъ обольщеній. [2])

Но подобное объясненіе означеннаго мѣста „Житія" не только лишено всякой положительной основы, но недопустимо и по логическимъ соображеніямъ.

И дѣйствительно, если ночныя и, конечно, *тайныя* религіозныя собранія, на которыя отправлялся Ѳеодосій, происходили у евреевъ, жившихъ въ *городѣ* (теперешнемъ Старомъ Городѣ), то возможно ли, чтобы Ѳеодосій изъ своего монастырскаго далека поспѣвалъ *всегда* какъ-разъ на эти сходки, да и для какой цѣли ему въ такихъ случаяхъ понадобилось бы скрывать свои похожденія „отъ всѣхъ" и, слѣдовательно, даже отъ монастырской братіи? Еще непонятнѣе то, что Ѳеодосій, посѣщая еврейскія ночныя сборища, на коихъ, по догадкѣ названнаго ученаго, были и совращенные евреями русскіе христіане, укорялъ только евреевъ, называя ихъ беззаконниками и отметниками, но совершенно „оставлялъ въ покоѣ" совращаемыхъ христіанъ, не обращаясь къ нимъ ни съ единымъ словомъ увѣщанія и укоризны,—тогда какъ именно христіане, увлекавшіеся іудействомъ, скорѣе всего заслуживали вполнѣ названіе „отметниковъ и беззаконниковъ", т. е. вѣроотступниковъ, отщепенцевъ. Наконецъ, если бы на ночныхъ собраніяхъ евреевъ на самомъ дѣлѣ происходило въ теченіе продолжительнаго времени нѣчто опасное для вѣры русскихъ христіанъ, то Ѳеодосій, безъ сомнѣнія, „тамъ рѣчей не тратилъ бы по пустому, гдѣ нужно власть употребить". При извѣстной строгости этого ревнителя православія и при высокомъ почетѣ, которымъ онъ пользовался у великаго князя Изяслава, бл. Ѳеодосій, конечно, не преминулъ бы, для пресѣченія вреднаго соблазна со

---

[1]) Записки II Отд. Ак. Наукъ. кн. II, вып. 2, стр. 174.

[2]) „Евреи въ южной Руси и Кіевѣ" (Отд. оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад.", за 1878 г., кн. III, стр. 68—69)

стороны евреевъ, принять, при содѣйствіи, если бы это оказалось нужнымъ, и свѣтскихъ властей, какія-нибудь рѣшительныя, энергическія мѣры. Отсюда можно заключить, что разсказъ Житія бл. Ѳеодосія вовсе не имѣетъ придаваемаго ему покойнымъ профессоромъ значенія. Смыслъ же его, какъ мнѣ кажется, болѣе простой. Дѣло въ томъ, что какъ во время игумена Ѳеодосія, такъ и до и послѣ него, евреевъ на Руси всячески побуждали къ массовому переходу въ христіанство, для чего прибѣгали нерѣдко и къ средствамъ прямого принужденія. Естественно, что приневоленные крещенцы оставались втайнѣ іудеями, а при первой возможности и открыто отступались отъ христіанства. Съ такими же явленіями встрѣчаемся въ разныя эпохи и въ Византіи, и въ другихъ странахъ. Укажу, напр., на свидѣтельство вселенскаго собора, бывшаго при Иринѣ и Константинѣ въ 786 г., въ правилахъ котораго, между прочимъ, говорится (пр. 8-е), что „нѣкоторые изъ еврейскаго вѣроисповѣданія, блуждая, притворно дѣлаются христіанами, втайнѣ же отвергаются христіанства, скрытно субботствуя и прочее іудейское исполняя“. [1]) Вспомнимъ также и испанскихъ *марановъ*—притворныхъ христіанъ изъ евреевъ и мавровъ. Равнымъ образомъ естественно предположить, что у насъ вѣроотступниковъ, по обнаруженіи ихъ вины, отправляли въ монастыри къ духовному начальству для увѣщеванія и вразумленія. Такихъ-то наружно-обращенныхъ въ христіанство евреевъ, по всей вѣроятности, набралось не мало и въ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ они, надо полагать, по ночамъ сходились для совершенія молитвъ и іудейскихъ обрядовъ вѣры. И вотъ за этими-то притворными христіанами, продолжавшими скрытно оставаться евреями, бл. Ѳеодосій и имѣлъ бдительнѣйшій надзоръ. Не довѣряя монастырской братіи, среди которой могли найтись нѣкоторые, не вполнѣ благонадежные иноки, преподобный игуменъ вставалъ много разъ ночью и самолично, тайно отъ всѣхъ, „исходилъ“ (изъ своихъ покоевъ) къ сосланнымъ въ монастырь для исправленія неискреннимъ конвертитамъ, препирался съ ними, укоряя и стыдя ихъ (коряше и досаждаше я), какъ отступниковъ и измѣнниковъ христіанству, при чемъ, дѣйствительно, рисковалъ подвергаться какимъ-либо со стороны ихъ оскорбительнымъ дѣйствіямъ.

---

[1]) И. И. Малышевскій, указ. соч., стр. 14.

При такомъ изъясненіи даннаго разсказа, онъ является въ полной гармоніи съ другимъ разсказомъ Несторова „Житія“ о томъ, что преподобный Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе каждую ночь обходить келіи монаховъ и наблюдать, чтобы послѣдніе не сходились для праздныхъ разговоровъ, и когда слышалъ сошедшихся двухъ или трехъ вмѣстѣ и бесѣдующихъ, то ударялъ рукою въ дверь, давая тѣмъ знать о своемъ приходѣ, а на другой день утромъ призывалъ виновныхъ и обличалъ и вразумлялъ ихъ. [1])

Въ близкой связи съ предыдущимъ разсказомъ стоитъ повѣсть, помѣщенная въ Кіево-Печерскомъ же Патерикѣ, въ посланіи монаха Поликарпа къ архимандриту Акиндину—о *Никитѣ Затворникѣ*.

Содержаніе ея, по изложенію профессора Малышевскаго, слѣдующее:

„Никита былъ родомъ изъ Кіевлянъ и поступилъ въ монастырь Печерскій за нѣсколько лѣтъ до кончины Ѳеодосія. При игуменѣ Никонѣ (1078—1088) Никиту постигло искушеніе. Пожелалъ онъ достичь славы высшихъ подвиговъ и даровъ духовныхъ и сталъ проситься въ затворничество. Игуменъ отговаривалъ его, представляя, что онъ еще молодъ, и что лучше бы ему трудиться въ общежитіи съ братіею, что и тутъ онъ не потеряетъ своей награды, что затворничество—подвигъ трудный, соединенный съ опасностью искушеній... Никита, однако, стоялъ на своемъ, стремясь быть прозорливцемъ и чудотворцемъ, и завѣряя, что не поддастся искушенію. Игуменъ не могъ болѣе удерживать его, и Никита удалился въ затворъ. Скоро посѣтилъ его здѣсь искуситель въ образѣ ангела. „Ты уже не молись“, говорилъ онъ Никитѣ, „а только читай книги, я же буду молиться за тебя.“ Никита послушался мнимаго ангела, который теперь сталъ часто хаживать къ нему и молиться въ виду его. Никита же занялся книгами. Скоро почувствовалъ онъ въ себѣ даръ прозрѣнія и учительства. Великому князю Изяславу онъ послалъ сказать: нынѣ убитъ Глѣбъ Святославичъ на Заволочьѣ, пошли скорѣе своего сына Святополка въ Новгородъ на княжескій столъ.“ Прозрѣніе оправдалось: чрезъ нѣсколько дней узна-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1879 г., кн. I, л. 13—14.

ли, что княжившій въ Новгородѣ Глѣбъ Святославичъ, дѣйствительно, убитъ на Заволочьѣ. И вотъ разнеслась слава о Никитѣ: стали ходить къ нему князья и бояре и слушать его наставленія. При этомъ возбуждались и религіозныя состязанія (?), на которыхъ обнаружилось одностороннее явленіе въ новомъ мудрецѣ-книжникѣ: „не можаше, говоритъ Поликарпъ, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и *вся книги жидовскія*“. Между тѣмъ книгъ Новаго Завѣта Никита никакъ не хотѣлъ ни слушать, ни бесѣдовать по нимъ („ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати къ себѣ“). Братія поняла, что тутъ дѣло недоброе, что Никита обольщенъ лукавымъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ собрались къ нему нѣсколько братій изъ найболѣе испытанныхъ, въ числѣ ихъ и преп. *Несторъ-Лѣтописецъ*. Они помолились о Никитѣ, отогнали отъ него бѣса, вывели изъ затвора въ общежитіе. Когда теперь стали спрашивать его о Ветхомъ Завѣтѣ, желая слышать что нибудь отъ него, то Никита съ клятвою увѣрялъ, что никогда не читалъ книгъ, не зналъ ни слова изъ нихъ. Отцы Печерскіе едва научили его грамотѣ. Въ подвигахъ общежитія Никита достигъ высшихъ добродѣтелей и около 1096 г. посвященъ въ епископа Новгородскаго и былъ почитаемъ, какъ святой.[1])

Разбирая этотъ разсказъ съ фактической стороны, съ цѣлью уяснить его историческій смыслъ, упомянутый ученый пришелъ къ выводу, что искуситель, который совѣтовалъ Никитѣ оставить христіанскія молитвы и читать книги только еврейскія, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе отъ книгъ христіанскихъ, былъ никто иной, какъ іудей или іудействующій христіанинъ, сообщникъ іудеевъ, избравшій Никиту жертвою своихъ замысловъ, *касательно тайной пропаганды іудейства среди русскихъ христіанъ*. Но, при такомъ толкованіи разсказа, возбуждается рядъ недоумѣній, изъ коихъ нѣкоторые замѣчены самимъ покойнымъ проф. Малышевскимъ. Почему, спрашивается, іудейскій наставникъ—искуситель попалъ именно на Никиту? Съ какою цѣлью первый совѣтуетъ послѣднему не молиться *вовсе* (значитъ, не совершать даже и еврейскихъ молитвъ), но при этомъ самъ молится, вмѣсто Никиты? Далѣе если разсказъ Поликарпа не легенда, а имѣетъ въ виду дѣйствительный фактъ, то мыслимо-ли, чтобы Никита,

---

[1]) „Евреи въ южной Руси и „Кіевѣ“, стр. 78.

рускій юноша, не знавшій, повидимому, при своемъ удаленіи въ затворъ, и русской грамоты, которой онъ научился лишь впослѣдствіи, въ состояніи былъ въ короткое время перенять отъ іудея знаніе наизустъ почти всего Ветхаго Завѣта, да вдобавокъ еще какихъ-то спеціально—„*жидовскихъ*“ книгъ, подъ которыми, какъ мною замѣчено было уже разъ въ другомъ мѣстѣ, надлежитъ разумѣть ничто иное, какъ *Талмудъ* и *Мидрашъ?* Притомъ, развѣ искуситель—іудей *обучалъ* Никиту? Вѣдь говорится только, что тотъ совѣтовалъ послѣднему *читать книги,* стало быть—Никита уже раньше своего поступленія въ затворъ умѣлъ читать еврейскія книги. У кого же онъ могъ научиться этому въ монастырѣ?

Между тѣмъ всѣ означенныя недоразумѣнія сами собою устранятся, если только мы представимъ себѣ историческую основу обсуждаемаго разсказа въ слѣдующемъ видѣ. За нѣкоторое время до кончины препод. Ѳеодосія Печерскаго малолѣтній еврей былъ окрещенъ, помимо воли его родителей,и отданъ для воспитанія въ Печерскій монастырь подъ именемъ Никиты. Что случаи насильственнаго отобранія малолѣтнихъ дѣтей у еврейскихъ родителей и совершенія надъ ними обряда крещенія бывали всегда и довольно часто, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ—это общеизвѣстно. Ради примѣра, припомнимъ изъ новѣйшей эпохи, надѣлавшій въ свое время много шума во всемъ цивилизованномъ мірѣ случай крещенія, въ 1858 г., въ Болоньи, въ Италіи, еврейскаго мальчика Эдгара *Мортары,* котораго папскіе зуавы силою отняли отъ родителей и помѣстили въ одномъ изъ монастырей, гдѣ онъ и воспитывался, а впослѣдствіи достигъ виднаго церковнаго сана. Что же касается нашего отечества, то, за недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ, относящихся къ начальной эпохѣ русской жизни, приходится указать на факты болѣе или менѣе близкаго къ намъ времени. Достаточно вспомнить своеобразную заботливость, которую въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія военное начальство прилагало къ обращенію въ христіанство еврейскихъ малолѣтковъ—кантонистовъ. Въ своихъ очеркахъ „Многострадальные“ (От. Зап. 1871 г., кн. 8 и 10) Никитинъ разсказываетъ, что этихъ дѣтей, для пріумноженія ими православныхъ, всегда загоняли далеко отъ родины, напр.—въ Пермь и отнюдь не ближе Ниж.-Новгорода, и что, по прибытіи ихъ на мѣсто назначенія, къ нимъ не допускали ни одного изъ солдатъ евреевъ, заключали ихъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимали все, что у нихъ было, а затѣмъ

подвергали ихъ истязаніямъ, ведущимъ непосредственно къ тому, чтобы заставить еврейскихъ мальчиковъ принять православіе, при чемъ они черезъ годъ едва знакомились съ христіанскими молитвами и долго не знали даже, какъ ихъ зовутъ по русски[1]). Приведу также любопытную справку изъ автобіографіи покойнаго профессора Университета св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскаго, бывшаго воспитанникомъ Черниговской духовной семинаріи[2]). Въ 1847 г., разсказываетъ проф. Кистяковскій, назначенъ былъ ректоромъ сказанной семинаріи архим. Климентъ Можаровъ, который въ Черниговѣ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство и повелъ это дѣло такъ рѣшительно, что скоро число обращенныхъ стало считаться десятками. Но затѣмъ пошли на него многочисленныя жалобы за то, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы при помощи своихъ подручниковъ, почему онъ и былъ переведенъ на низшій постъ.

Если же, въ виду подобныхъ примѣровъ, допустить догадку о еврейскомъ происхожденіи и Никиты, то само собою станетъ понятнымъ, что послѣдній, принимая даже, что ему при поступленіи въ монастырь было не болѣе 12-и—13-и лѣтъ отъ роду, могъ уже обладать знаніемъ *наизусть* большей части ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ, или, по крайней мѣрѣ, Пятокнижія и субботнихъ и праздничныхъ чтеній изъ пророковъ *(гафторотъ)*, а равно достаточнымъ знакомствомъ съ талмудо-раввинскою письменностью, такъ какъ среди еврейскихъ мальчиковъ съ недюжинными умственными способностями такой объемъ знанія не рѣдкость. Сошлюсь, въ доказательство этого, на книгу „Christen und Juden“ доктора богословія *А. Фюрста* (Страсбургъ, 1892 г.), содержащую въ себѣ очерки жизнеописаній многихъ, достигшихъ большей или меньшей извѣстности, конвертитовъ изъ евреевъ и заключающую, между прочимъ, (стр. 123) слѣдующую выдержку изъ автобіографіи крещенаго лектора еврейской словесности въ Лейпцигѣ *Готтфрида Зелига*: „Могу сказать, пишетъ Зелигъ, безъ хвастовства (?), что здѣсь, въ фюртской талмудической школѣ, я довольно далеко пошелъ и, едва имѣя 13 лѣтъ отъ роду, уже въ состояніи былъ передавать *наизусть* содержа-

---

[1]) Ср. И. Г. Оршанскаго; „Рус. законодательство о евреяхъ“ 1877 года стр. 20—26.

[2]) „Кіевская Старина“ за 1895 г., январь. „А. Ф. Кистяковскій. Біографическій очеркъ“. Статья В. Науменко.

ніе слишкомъ 500 листовъ (!) талмуда и даже съ успѣхомъ держалъ при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ такъ называемыя *дерашотъ* или рѣчи на древне-еврейскомъ языкѣ".

Естественнымъ, далѣе, представляется предположеніе, что въ монастырѣ Никиту препоручили первоначально для обученія одному изъ жившихъ тамъ прозелитовъ изъ евреевъ же, съ разсчетомъ, конечно, что этотъ наставникъ успѣшнѣе другихъ съумѣетъ, принаравливаясь къ понятіямъ и складу мыслей юноши, преподавать ему догматы христіанской вѣры. Но учитель, продолжавшій, вѣроятно, и самъ оставаться втайнѣ іудеемъ, вмѣсто добросовѣстнаго исполненія возложенной на него обязанности, поддерживалъ, напротивъ, въ своемъ ученикѣ упорную приверженность къ іудейству и побуждалъ его участвовать въ происходившихъ въ самомъ монастырѣ, какъ выше замѣчено, тайныхъ ночныхъ сходкахъ неискреннихъ новообращенныхъ евреевъ для совмѣстнаго, по еврейскому обряду, богомоленія и религіозныхъ собесѣдованій. Неудивительно поэтому, что подъ руководствомъ такого наставника, — мнимаго ангела (евреи иносказательно уподобляютъ своихъ законоучителей ангеламъ),—Никита сталъ помышлять о томъ, какъ бы удалиться вовсе изъ общежитія и избавиться такимъ образомъ отъ надзора монастырскихъ властей. Вотъ почему онъ такъ настойчиво сталъ домогаться дозволенія уйти въ затворъ, надѣясь получить возможность безпрепятственно удовлетворять тамъ своему завѣтному влеченію къ аскетизму и занятіямъ книгами еврейскаго закона. А что такое влеченіе обыкновенно присуще набожному еврейскому юношеству,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Новгородскій священникъ *А. Алексѣевъ*, бывшій еврей: „Въ каждомъ „бетъ-гамидрашѣ" — молитвенномъ домѣ,—говоритъ онъ,—можно видѣть во всякое время дня и ночи человѣкъ 20—30.., которые питаются самою скудною пищею, большею частью сухоядіемъ, спятъ на голыхъ скамейкахъ синагоги и покрываются своимъ верхнимъ платьемъ, имѣющимъ видъ подрясника. Жизнь ихъ по истинѣ строго аскетическая: они не видятъ радости земной, кромѣ той, которая доставляетъ имъ успѣшное прохожденіе извѣстнаго отдѣла Закона (Торы) и Талмуда".

Послѣ многихъ неудачъ, горячее желаніе Никиты исполнилось въ игуменство препод. Никона (1078 г.)...

Но въ затворѣ молодой отшельникъ, какъ легко себѣ представить, на первыхъ порахъ сталъ скорбѣть по слѣдующему поводу: изученію еврейскихъ книгъ онъ, дѣйствительно, могъ

предаваться здѣсь безъ всякаго стѣсненія, такъ какъ въ монастыряхъ, въ особенности въ Кіево-Печерской обители, и даже въ затворахъ, чтеніе, списываніе и переводы рукописныхъ свитковъ считались обычнымъ занятіемъ и даже прямою обязанностію иноковъ, которые всячески и побуждаемы, и поощряемы были къ подобнымъ занятіямъ самими настоятелями монастырей. Но за то Никита въ затворѣ не только не былъ въ состояніи исполнять предписываемыя еврейскимъ закономъ правила, касательно отправленія молитвъ предпочтительно въ собраніи, состоящемъ, по крайней мѣрѣ, изъ 10-и евреевъ, но и не могъ, при затворнической обстановкѣ, совершать и одиночно молитвы по установленному риту. Это тревожило религіозную совѣсть юноши, привыкшаго дома строго соблюдать обряды своей вѣры. [1]) И вотъ мнимый ангелъ, — тайный іудей, — сталъ его утѣшать, говоря: „Ты уже не молись, а только читай книги и черезъ это будешь бесѣдовать съ Господомъ и изъ книгъ станешь подавать полезное слово приходящимъ къ тебѣ. Я же постоянно буду молить о твоемъ „спасеніи Творца своего.“ Такого успокоительнаго совѣта и надлежало ожидать именно отъ учителя-іудея, ибо, какъ высоко ни поставленъ, по еврейскимъ понятіямъ, обрядъ молитвословія, выше исполненія всякихъ религіозно обрядовыхъ обязанностей стоитъ *изслѣдованіе и истолкованіе Закона,* почему занимающемуся „денно и нощно“ изученіемъ священныхъ книгъ не ставится въ грѣхъ, если онъ, по какимъ-либо причинамъ, не въ состояніи соблюдать во всей строгости правила о богомоленіи.

Такъ продолжалъ бы Никита свое одинокое пребываніе въ тиши затвора, углубляясь въ свои еврейскія книги, еслибы, вѣроятно подъ вліяніемъ своего учителя, преслѣдовавшаго, можно думать, какіе-то особые виды, онъ не сталъ заниматься гаданіемъ и предсказываніемъ. Эти гаданія, какъ справедливо объяснилъ И. И. Малышевскій, не имѣли, конечно, ничего общаго съ чудеснымъ даромъ прозорливости, а относились къ фактамъ, уже случившимся, къ событіямъ прошедшимъ, о которыхъ Никита узналъ заблаговременно при содѣйствіи все того же мнимаго ангела,—іудействующаго своего наставника, внимательно слѣдив-

---

[1]) Вышеупомянутый о. Алексѣевъ въ своей статьѣ: „Бывшій еврей за монастыри и монашество“ (Домашняя Бесѣда за 1875 г. № 34) пишетъ: „Будучи еще іудеемъ, я наученъ былъ отцомъ моимъ, ревновавшимъ къ закону, свято хранить уставъ синагоги, а синагога учитъ бывать ежедневно на *общественной* молитвѣ велитъ чтить святые дни и пр.,—и я тогда все это свято соблюдалъ“.

шаго, повидимому, за всѣми текущими событіями общественной жизни. И вотъ, благодаря своимъ предсказаніямъ, изъ коихъ нѣкоторыя, дѣйствительно, сбывались, въ особенности же, благодаря подтвердившемуся вскорѣ сообщенію объ убіеніи Глѣба Святославовича, Никита пріобрѣлъ широкую извѣстность, и къ нему, какъ къ мнимому прозорливцу, стали ходить князья и бояре. Тогда же на прославившагося молодого затворника впервые обратили серьезное вниманіе и отцы Печерскіе. Но тутъ-то, къ великому изумленію и огорченію братіи, и обнаружилось, что восторженный юноша, рвавшійся въ затворъ, подъ предлогомъ желанія достигать высшихъ подвиговъ христіанскихъ добродѣтелей,— на дѣлѣ оставался такимъ же рьянымъ іудеемъ, какимъ онъ былъ при самомъ своемъ поступленіи въ монастырь. Пытались было вступать съ нимъ въ диспуты и убѣждать его въ превосходствѣ христіанскаго вѣроученія, но всѣ эти попытки оказались безуспѣшными, и онъ продолжалъ упорствовать въ своей привязанности къ іудаизму, а о Новозавѣтныхъ книгахъ и слышать не хотѣлъ и о нихъ не позволялъ даже говорить съ собою. Это побудило соборъ братіи, съ игуменомъ Никономъ во главѣ, принять рѣшительныя мѣры. „Не могли, говоритъ сказатель, стерпѣть этого преподобные отцы, пришли къ прельщенному, помолились Богу и отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ того онъ не видалъ его болѣе“ (т. е. проще сказать, прогнали наставника-іудея), самого юношу вывели изъ затвора и перевели въ общежитіе, поручивъ катехизическое его обученіе вполнѣ благонадежному старцу: „Послѣ этого, заканчиваетъ свою повѣсть сказатель, предалъ себя Никита на воздержаніе и послушаніе и чистое смиренное житіе, такъ, что всѣхъ превзошелъ въ добродѣтели и впослѣдствіи былъ поставленъ епископомъ въ Новгородѣ“.

И опять-таки поставленіе на епископство бывшаго еврея далеко не является фактомъ исключительнымъ, необычайнымъ, ибо не безъизвѣстно, что въ рядахъ пастырей и даже архипастырей, какъ восточной, такъ, въ особенности, западныхъ церквей, во всѣ времена вовсе не рѣдкость встрѣчать лицъ еврейскаго происхожденія. А чтобы не ходить далеко за примѣрами, стоитъ лишь указать на возведеніе въ сравнительно недавнее время въ Австріи, въ самомъ разгарѣ антисемитической агитаціи, Фердинанда *Кона*, еврея по національности, въ санъ архіепископа въ Ольмюцѣ.

Таковы, по моему, черты исторической дѣйствительности, которыя могутъ быть извлечены изъ разсмотрѣннаго, весьма интереснаго повѣствованія Кіево-Печерскаго Патерика.

Моя догадка о личности Никиты Затворника однородна съ предположеніемъ покойнаго проф. И. И. Малышевскаго относительно одного изъ предшественниковъ Никиты по каѳедрѣ,— второго, послѣ крещенія Руси, Новгородскаго епископа и перваго извѣстнаго по имени, русскаго проповѣдника,— автора „Поученія къ братіи"—*Луки Жидяты* (ум. въ 1059 г.)

Основываясь на томъ, что въ Руси съ самого начала было въ обычаѣ называть духовныхъ лицъ не по имени и прозванію, а только по имени, тогда какъ Лука почти всегда упоминается съ своимъ оригинальнымъ прозваніемъ Жидяты, а въ нѣкоторыхъ и, притомъ, древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ, называется даже не по имени, а просто Жидятою,—упомянутый ученый заключилъ, что Лука происходилъ изъ евреевъ и крещенъ былъ въ отроческіе свои годы, въ княженіе св. Владиміра,— откуда и прозвище „Жидята", означающее: еврейскій мальчикъ.

Означенный выводъ, подтверждаемый отчасти и нѣкоторыми чертами изъ „Поученія къ братіи", обнаруживающаго, по самому содержанію и складу своему, близость къ проповѣднику Моисеева закона и еврейства, признается, однако, изслѣдователями построеннымъ на шаткой почвѣ. Одни указываютъ, что *Жидята*, или по другому варіанту (встрѣчающемуся, впрочемъ, только *одинъ разъ* въ спискѣ „поученія" XVI в.)—*Жирята*, есть *имя*,—уменьшительное отъ обычнаго въ Новгородѣ имени *Жидиславъ*. [1]) Другіе находятъ, что суффиксъ *та* не означаетъ имени уменьшительнаго, а скорѣе всего имѣетъ связь съ отчествомъ и что самое имя Жидята стоитъ въ непосредственной связи съ весьма популярнымъ въ Новгородѣ именемъ Гюрги (=Георгій), производное отъ котораго Гюрята и перешло въ *Жирята* или *Жидята* [2])

Но если доводъ, заимствованный изъ прозвища еп. Луки и подлежитъ еще оспариванію, то за то остаются неопровергнутыми прочія, приведенныя покойнымъ проф. Малышевскимъ, соображенія, оправдывающія его гипотезу о еврейскомъ происхожденіи названаго архипастыря,—что косвенно подкрѣпляетъ и мои догадки о національности Никиты Затворника.

---

[1]) См. въ помѣщенной въ VI кн. „Чтеній въ Истор. О-вѣ Нестора Лѣтописца" статьѣ проф. *А. И. Соболевскаго*: „Археологическія замѣтки", замѣтку V, подъ рубрикою *Жидята*.

[2]) См. помѣщеную въ изданіи: „Памятники древне-русской церковно-учит. литературы" (вып. I, С. П. Б., 1894 г.) статью *П. Е. Евсьева*. „Поученіе Луки Жидяты", стр. 18 и 19.

Замѣчу въ заключеніе, что послѣднее сказаніе Патерика представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ еврейскою легендою, сохранившеюся въ четырехъ изводахъ, напечатанныхъ въ сборникѣ малыхъ *мидрашимъ* (легендарныхъ сказаній), изданномъ покойнымъ еврейскимъ проповѣдникомъ въ Вѣнѣ, д-ромъ Іелленикомъ, подъ заглавіемъ: „Beth ha-midrasch."

Сущность этой легенды заключается въ томъ, что жилъ—былъ старецъ по имени Шимонъ Кифа (или Кепа), прославившійся своими обширными познаніями и добродѣтелями. Христіанамъ завидно было, что такой доблестный мужъ остается евреемъ, и потому они всячески старались переманить его въ свою вѣру, но всѣ усилія ихъ подѣйствовать на него убѣжденіемъ оказались тщетными, такъ какъ никто не могъ съ нимъ состязаться въ религіозныхъ диспутахъ. Тогда христіане стали угрожать, что убьютъ какъ его, такъ и всѣхъ евреевъ. Для предотвращенія такой бѣды Симонъ, уступая слезнымъ мольбамъ самихъ же евреевъ, рѣшился принять крещеніе подъ условіемъ, однако, чтобы для него выстроена была на скалѣ особая башня, куда бы онъ могъ удалиться въ затворничество. Это требованіе онъ поставилъ съ умысломъ, чтобы не быть вынужденнымъ ѣсть запрещенную, пищу и исполнять христіанскіе обряды. Въ затворѣ Симонъ оставался до конца своей жизни, питаясь лишь хлѣбомъ и водою, творя молитвы Богу Авраама Исаака и Якова и сочиняя еврейскія литургическія славословія, которыя онъ посылалъ эксиларху (главѣ изгнанниковъ.). Приходившихъ же къ нему за совѣтами и благословеніями христіанъ онъ поучалъ, цитируя изреченія изъ христіанскихъ книгъ, что принудительное крещеніе евреевъ лишено внутренняго достоинства, что запрещено громить еврейскія синагоги и что не слѣдуетъ принимать въ лоно церкви малолѣтковъ, а взрослыхъ надлежитъ крестить не прежде, какъ по тщательномъ ихъ испытаніи въ теченіе 30 дней. Погребенъ былъ Симонъ въ означенной, построенной на скалѣ башнѣ существующей и понынѣ въ Римѣ, отчего онъ и названъ былъ *Петромъ*—камнемъ. [1])

Совсѣмъ иначе гласитъ другая, сравнительно позднѣйшая, версія той же легенды.

---

[1]) „Бетъ га-мидрашъ", изданіе Іелленика вып. V, стр. 60—61, и VI, стр. 155—156.

У представителя Мойнцской еврейской общины, Шимана Великаго, истопница, христіанка, тайно похитила его малолѣтняго сына, съ которымъ и скрылась. Много лѣтъ спустя Римскій папа воздвигнулъ на евреевъ жестокія гоненія. Еврейскія общины рѣшили тогда отправить изъ своей среды депутацію къ папѣ съ просьбою помилосердствовать и облегчить ихъ участь. Главою депутаціи избранъ былъ Шимонъ. На аудіенціи у папы послѣдній, узнавъ въ Шимонѣ своего роднаго отца, велѣлъ всѣмъ присутствующимъ удалиться, сказавъ, что онъ предварительно желаетъ сыграть съ Шимономъ шахматную партію. По окончаніи же игры папа бросился Шимону на шею, призналъ себя его сыномъ и со слезами изъявилъ готовность возвратиться въ отцовскую вѣру, что имъ на самомъ дѣлѣ и было исполнено. По мнѣнію д-ра Іеллинека, историческою подкладкою этого сказанія послужило дѣйствительное событіе: Петръ изъ семейства Pierleoni, правнукъ крещеннаго еврея, избранъ былъ въ 1130 г. римскимъ папою и принялъ имя Анаклета II-го. [1])

БИБЛІОТЕКА
[illegible] СТАРИНЫ
АКАДЕМІИ.

[1]) Указан. сборникъ, вып. V, стр. 155—164.